

Чурила и неверная жена

Да не вóвремё пороху снегу выпала —
О же выпала пороха о Петрови дни.
Што не серой-то заюшко прорыскивал,
Не белой-то горнасталюшко проскакивал —
Проходил тут Чурила бладо Плёнкович.
Он статным-то статней в полном возрасте,
Лицо его, как белый снег,
Оци его ясна сокола,
Брови его чёрна соболя,
На ножецках обутки — сафьян сапог,
На головушке шапочка чурванка,
Кабы шуба на ём да всё куния,
Опоясочки его да троешёлковые,
Троешёлковые да и шёлковые,
На ручечках перчаточки серебряные.
Вот идёт-то Чурила вдоль по городу,
Идёт-то Чурила по чисту полю,
Заходит Чурила в стольней Киев-град
Ко тому же Пермету сыну Степановичу.
Он колотится в колечико серебряное —
Уж заперты ворота крепко-накрепко.
Выходила Маремьяна вон на юлицу,
Отпирала ворота шире на пету,
Из рецей Маремьяна выговариват:
«Три годá красно солнышко не вздыбывалось,
А вздынулось красно солнышко в четвёртый год.
А не белый кúропат налётывал,
Ясный сокол всё прилётывал —
Вот пришёл-то Чурила бладой Плёнкович».
Да взяла его за ручушки за белыя,
Цёловала его уста сахарныя,
Проводила во гридню тёплу спальнюю.
Вот разделса Чурила по-домашному:
Ён Козловы сапожки под кровать кладёт,
Он кушак с рукавицками на дубовый стол,

Кабы кунью шубу весит на спицюшку,
Он ложитса спать на кроватку на тесовую,
На ту же на перину на пуховую,
Он на то же изголовье на косявщето,
Он со той же Маремьяной со Микулишной.
Тут выходит нонь девушка-чернавушка,
Из рецей эта девка выговариват:
«Ох ты ой еси, Чурило бладо Плёнкович!
Как же ты разделса по-домашному?
Я пойду, девка, во божью церковь,
Я скажу Пермету́ сыну Степанову».
Говорит ле Чурило таковó словó:
«Уж ты ой еси, девушка-чернавушка!
Не ходи-тко ты, девушка, во божью церковь,
Не сказывай Пермету сыну Степанову,
Я куплю тебе платье во петьсот рублей!»
На реци бы девка не сдаваетца,
Из рецей эта девка выговариват:
«Уж ты ой еси, Чурила бладо Плёнкович!
Уж как же ты розделса по-домашному?
Я пойду ле, девка, во божью церковь,
Я скажу Пермету́ сыну Степанову».
Говорит нынь Чурило таковó словó:
«Не ходи-тко, девушка, не сказывай,
Я куплю тебе шаль и во шесьсот рублей!»
На реци девка не сдаваетца,
Надевала на себя платье цветное,
Пошла эта девица вон на юлицу.
Заходит девушка во божью церковь,
Она крест кладёт по-писаному,
Поклон-от ведёт по-учёному,
А молитву творит полну Исусову,
Уже кланятца на все цетыре стороны,
Из рецей эта девка выговариват:
«Уж ты здраствуй, Пермьята сын Степанович!
Уж ты служишь обедню воскресеньскую,
Уж цитаешь книжки Божии,
У тебе во городе не по-старому,
Ах во Кёеве-граде не по-прежнему:

Заселился конь чужой нонь в чистó поле,
Он ведь топцёт твою траву шёлкóвую,
Он ведь пьёт твою воду медвя́нную».
Уж на то Пермьята догадаетце,
Запирал ён скорей книжки Божии,
Выходил Пермьята из божьей церкви,
Заходит на своё крылечушко на прекрасное,
Он колотится в колечико серебряно,
Уж заперты ворота крепко-на́крепко.
Кабы тут-то Пермету за беду стоёт,
За великую досаду показалосе.
Ноги резвыи его да расходилися,
Могуци его плечи расшевелилися,
Руки белыя его да розмахалися,
Лицо белое его да помутилосе,
Оци ясные его помутились жё,
Ретивó его сердце розъерилосе,
Сомешалася кровь его со пёченью.
Топну́л он ногóй во двери —
Уж он вышиб двери с ободверинами.
А заходит во гридню тёплую,
От хватил в руки саблю вострую,
Кабы ссек Чуриле пó плеч голову,
Кабы брóсил его во чистó поле,
Кабы тут Чурилу смерть случилася.
Говорит-то Пермьята таковó словó:
«Уж ты ой есь, Маремьяна дочь Микулична!
Я прощу же тебя во первóй вины».
Говорит Маремьяна таковó словó:
«Уж ты вор жё ты, Пермьята сын Степанович!
Кабы была бы у меня в руках сабля вострая,
Я бы ссекла у тя пó плеч голову».
А на реци Пермьята не сдаваетцэ,
Из рецей-то Пермьята выговариват:
«Уж ты ой еси, Маремьяна дочь Микулишна!
Я прощу тебя во первóй вины».
Говорит Маремьяна таковó словó:
«Уж ты вор жё ты, Пермьята сын Степанович!
Кабы была бы у меня в руках сабля вострая,

Я бы ссекла у те по́ плеч голову».
А на реци Пермьята не сдаваетца,
Из рецей-то Пермьята выговариват:
«Уж ты ой еси, Маремьяна дочь Микулишна!
Я прощу тебя во первóй вины».
Говорит Маремьяна таково́ словó:
«Уж ты вор Пермьята сын Степанович!
Кабы было копьё бурзомецкое,
Я сколола бы тебя, вора Степанова».
(Как ещё его ругат!)

А на реци Пермьята не сдаваетца,
Из рецей-то Пермьята выговариват:
«Уж ты ой еси, Маремьяна дочь Микулишна!
Я прощу-то тебя во первóй вины».
Говорит Маремьяна таково́ словó:
«Да куда полетел блад ясён сокол,
Да туда же летí лебедь белая».
(Вот какую грубость сказала!)
Кабы то Пермьяте за бедú встаёт,
За великую досаду показалосе.
Ссек у Маремьяны по́ плеч голову,
Бросил Маремьяну во чистó поле,
Кабы тут Маремьяне смерть случилася.
Он взял эту девушку за себя взамуж.

(Зап. Астаховой А. М.: 23 июля 1929 г., д. Великая Виска, Ненецкий нац. округ — от Дитятевой Прасковьи Ивановны, 69 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.